

Консультирование и психотерапия

Социальная терапия или

События в России последних трех месяцев (декабрь 2011 г. – январь-февраль 2012 г.), связанные с выборами парламента и президента, дали огромное количество яркого материала, который очень хорошо иллюстрирует многое из того, о чем я писал в предыдущих статьях. В первую очередь это касается тех проблем, которые я рассматривал в серии статей о пустом «я» современного индивида. Речь шла, в частности, о взгляде психотерапии на клиентов как на изолированных, одномерных и почти асоциальных и внеисторических существ. Ставился и вопрос, сформулированный Ф. Кушманом¹, о как минимум косвенном пособничестве психотерапии нездоровым явлениям в социуме, прежде всего о поддержке патогенного поведения властвующих слоев и мощного комплекса патогенных социальных стереотипов.

Логично напрашивавшийся вывод из исследования историко-культурных коллизий взаимодействия психотерапии с «я» индивида прошлого и нынешнего столетий состоит в том, что внешне асоциальная и аполитичная психотерапия неизбежно должна скачиваться на нездоровые антисоциальные и реакционно-политические позиции. В результате психотерапевт вольно или невольно подталкивает клиента к бесперспективному и гибельному приспособлению и «стабилизации» в условиях усугубляющейся патологии социальной среды. Психотерапевт, не нацеленный на оздоровление социальной среды, на развитие конструктивной социальной и гражданской активности своих потенциальных и актуальных клиентов, фактически действует во вред интересам своих клиентов, дезориентируя и внушая иллюзии.

Мизерность количества людей, обращающихся на территории бывшего СССР за психологическим консультированием и психотерапией, является, с одной стороны, спасительным фактором, снижающим вред многих направлений душевной «помощи». С другой стороны, малочисленность обращений является показателем ограниченности и своего рода социального и профессионального аутизма, выросшего в плоть уважаемой и авторитарной современной психотерапии.

Но не психотерапией единой, к счастью, жив человек. Как обоснованно в свое время заметил Г. Айзенк², можно говорить о существовании стихийной самодетельной индивидуальной или дружеской групповой психотерапии, по эффективности не уступающей многим разновидностям платной институционализированной психологической помощи. Можем ли мы рассматривать митинги и демонстрации как формы массовой психотерапии? Без всякого сомнения. Пикантность российской ситуации в том, что слово «психотерапия» в контексте текущего политического кризиса первым громко произнес кандидат в президенты В. Путин, да еще и дважды, в своих выступлениях и программных статьях, но я вернусь к его идеям позже.

Какие же уроки, прямо относящиеся к состоянию общественного и индивидуального психологического здоровья в России, можно сформулировать на основе событий конца 2011 – начала 2012 г.?

Урок первый: качество и события социальной среды являются важнейшим фактором личного самочувствия каждого гражданина. Многие аналитики обоснованно отмечают, что на Болотную

площадь, на проспект Сахарова и Якиманку многие десятки тысяч людей вышли, руководствуясь не политическими, а экзистенциальными мотивами, по причине личного оскорбления и возмущения обманом и бесчестным поведением властей.

Урок второй: мышление и поведение любого отдельного человека во многом определяют динамику изменения его социальной среды, и тут мы возвращаемся к уроку первому. Многие десятки тысяч людей и почувствовали себя по-другому, и убедились в эффективности индивидуального гражданского поступка, попавшего в резонанс с поведением других сограждан.

Урок третий: в существенной степени благодаря оперативности и повсеместному распространению современных средств массовой коммуникации общественный дискурс протекает почти что в режиме очного диалога лицом к лицу, и его вполне можно анализировать так же, как очное (или хотя бы как видеочат) общение психотерапевта с клиентом.

Если вы спросите, кто тут психотерапевт, а кто клиент, то ответ не однозначный: обе стороны – власть и некоторая часть общества – пытаются занять позицию авторитетного специалиста по исцелению и одновременно навязать другой стороне роль клиента, которую никто добровольно на себя принять не хочет. Поскольку власть сама явно претендует на функцию психотерапевта, то я ей эту роль и отдаю в дальнейшем анализе, как бы ни было далеко поведение властей предрежающих («психотерапевтов») от нормативного образца специалиста по душевному здоровью.

Урок четвертый: даже самая образованная и достаточно успешная часть общества потрясюще невежественна в жизненно важных социальных вопросах и беспомощна в умении применять хотя бы простейшие социальные технологии для защиты и реализации своих прав, свобод, инициатив и проектов, не говоря уже о разработке и воплощении социотехнических проектов. Очевидным оправданием такого положения дел может служить практически полное отсутствие массовой самостоятельной деятельности граждан по решению каких-либо групповых и социальных проблем, выходящих за пределы их собственной квартиры или дачного участка. Без такой длительной начальной тренировки (НГП – начальной гражданской подготовки) бегать политические марафоны весьма затруднительно.

Урок пятый: нуждается в существенном уточнении известное выражение

«каждый народ заслуживает своего правительства». Народ не заслуживает, а с помощью разнообразных средств создает для себя ту власть, которая точно отражает уровень социальной грамотности и социальных умений преобладающей части населения. Следует уточнить, что созидание власти народом пока что больше всего напоминает непротивление росту сорняков и чертополоха на своем огороде, а не какие-то активные и организованные агрокультурные операции по возделыванию земли под высокий урожай полезных культур.

Если вы спросите, а при чем тут психотерапия, то я поясню: массовое социально-политическое поведение является прямой проекцией имеющихся у среднего индивида умений и техник, с помощью которых он решает или не решает свои жизненные и психоэмоциональные проблемы. Как индивид выстраивает отношения с кругом своих ближних, так он проявляет себя и в любой другой сфере, поэтому по характеру гражданской активности можно достаточно уверенно ставить предварительный диагноз значительному числу клиентов еще до их появления на пороге кабинета. Уровень невежества и беспомощности индивида в отношении общественной жизни, очевидно, коррелирует с невежеством и беспомощностью в отношении самого себя и круга личного общения.

В связи с только что сформулированной гипотезой о потенциальных клиентах напрашивается и гипотеза о качествах психотерапевтов и психологов-консультантов: насколько они социально потенцины и компетентны как граждане, настолько они потенцины и компетентны в помощи своим клиентам. Указанная зависимость может быть не такой уж прямой и жесткой, но задуматься о ней точно стоит.

Если повернуть ход рассуждений в сторону поиска буквальных гражданско-политических функций, которые могли бы взять на себя психологи-консультанты и психотерапевты (по совместительству нередко и психиатры-психотерапевты), то возникает аналогия с санитарными службами, только особого рода. Эти психосанитарные службы могли бы следить за превышением в общественной атмосфере предельно допустимых уровней манипулирования, хамства, агрессии, обмана, истерии, давать диагностические оценки негигиеничному и антисанитарному в психологическом отношении поведению политиков, чиновников, представителей власти, депутатов, журналистов, телеведущих и т.д. Речь

идет не о цензуре, а о выстраивании системы публичных оценок, системы норм и правил социального поведения на основе критериев социально-психологического и когнитивного здоровья. Перечисленные функции могут осуществляться как гражданская инициатива профессионалов (на Западе есть организации, объединяющие психологов именно вокруг усилий по решению социальных проблем, например The Society for the Psychological Study of Social Issues³; в России и Украине что-то не слышно о подобном), бюрократизировать такую деятельность вряд ли целесообразно. Независимая профессиональная психосанитарная служба – неплохая идея? Мне нравится.

Уже какое-то время существует концепция социальной психотерапии, содержание и различные аспекты которой изложены, например, в статье Марка Сандомирского⁴. Социальная психотерапия предстает у него в двух основных разновидностях: либо в применении психотерапии к индивидам, демонстрирующим девиантное социальное поведение, либо как некая массовая психотерапия и психопроевещение с помощью современных средств коммуникации, в связи с чем автор использует термин «социомедийная психотерапия». Под последней словосочетанием М. Сандомирский также подразумевает оказание психологических и психотерапевтических услуг, в том числе просветительских, посредством Интернета и социальных сетей.

Давайте сопоставим концепцию социальной психотерапии в варианте М. Сандомирского и концепцию «общенациональной психотерапии» В. Путина.

Последний применил концепт «общенациональной психотерапии» в следующем контексте: «Премьер-министр России Владимир Путин в понедельник (26.12.2011) на заседании Госсовета заявил, что государству необходимо наращивать присутствие в Интернете и на телевидении для того, чтобы внушить гражданам «уверенность в завтрашнем дне»... «Рузвельт в условиях великой депрессии выступал по радио на самые разные темы, а не только по проблемам трудовых отношений. Главная цель (выступлений) – общенациональная психотерапия с целью внушить гражданам страны уверенность в завтрашнем дне», – сказал Путин. «Тогда не было ни телевидения, ни тем более Интернета, у нас есть различные средства работы с общественными организациями, мы ими неэффективно пользуемся, нужно наращивать эти усилия», – добавил премьер-министр»⁵.

Второй раз понятие «терапия» в масштабах всего государства упоминалось в предвыборной программной статье В. Путина: «...Государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию. В нашей стране, где у многих в головах еще не закончилась гражданская война, где

¹ Cushman Ph. Why the Self Is Empty: Toward a Historically Situated Psychology. American Psychologist. May, 1990, 45 (5): 599-611.

² Айзенк Г.Ю. Сорок лет спустя: новый взгляд на проблемы эффективности в психотерапии // Психологический журнал. – Т. 14. – 1994. – № 4. – С. 3-17.

³ <http://www.spssi.org/>

⁴ Сандомирский М. Социальная и социомедийная психотерапия. – Документ Интернета: <http://www.takzdorovo.ru/profilaktika/mark-sandomirskij-sotsialnaya-i-sotsiomedijnaya-psihoterapiya>

⁵ Путин: государству надо наращивать ресурсы в интернете и на ТВ для «общенациональной психотерапии». – Документ Интернета: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/12/26/n_2148106.shtml

«Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Как социальная инженерия

социальная инженерия?

прошлое крайне политизировано и «раздергано» на идеологические цитаты (часто понимаемые разными людьми с точностью до противоположного), необходимо тонкая культурная терапия. Культурная политика, которая на всех уровнях — от школьных пособий до исторической документалистики — формировала бы такое понимание единства исторического процесса, в котором представитель каждого этноса, так же как и потомок «красного комиссара» или «белого офицера», видел бы свое место. Ощущал бы себя наследником «одной для всех» — противоречивой, трагической, но великой истории России⁶.

Сопоставление «общенациональной» и «тонкой культурной» психотерапии по Путину и социальной психотерапии по Сандомирскому позволяет сделать следующие выводы:

- Путин понимает под психотерапией скорее пропаганду, у которой с первой общее только использование внушения (суггестии). Путинская психотерапия обязана «внушать» и «формировать» нечто удобное и выгодное в первую очередь для власти. Этот мотив неправомерно навязывания без критического диалога своих идей присутствует и в некоторых направлениях психотерапии, о чем я уже писал. По путинской логике, например, на уровне отдельной организации руководитель должен не разбираться с претензиями своих подчиненных, а направлять их к психотерапевту для «успокоения» методами суггестии и гипноза.

- Психотерапия по Путину — успокаивающе-унифицирующая. Для установления единообразного мировоззрения у граждан-клиентов он предлагает создать список обязательного чтения для школьников из 100 книг. Такого рода меры явно не могут характеризоваться как «тонкие культурные», поскольку они грубые и свидетельствуют о полном непонимании культурных процессов.

- Путин — авторитарно-патриархальный индивид по стилю мышления и поведения, типичный критиканский «Родитель» по типологии транзактного анализа, закономерно выступающий в ряде ситуаций как хамоватый неадаптированный «Ребенок» (я пробую сформулировать психосанитарную информацию для сводки об опасных и психопатологических проявлениях в политической жизни).

- Путин-психотерапевт склонен к опасной игре по сценарию треугольника «Спасатель-Преследователь-Жертва»⁷, пытаясь попеременно играть две первые роли и отводя обществу роль беспомощной Жертвы. Объяснение негативных сторон и последствий такой игры дано опять же в рамках транзактного анализа, представители которого настойчиво указывают на неизбежность перехода из позиций Спасателя и Преследователя в позицию Жертвы, если такая игра долго не прерывается. Стоит заметить, что Жертва со своей стороны обязательно начинает искать удобные

случаи и поводы, чтобы стать жестоким Преследователем. В масштабах общества такие игры чреватые самыми печальными последствиями (такого рода анализ может быть весьма полезным средством «общенациональной» психотерапии, если станет выноситься на первые полосы газет и на популярные телешоу).

- Сандомирский как цели социальной психотерапии выделяет именно экзистенциальные и социально-психологические проблемы граждан, а не проблемы государственного управления.

- На первое место среди специфических российских проблем М. Сандомирский ставит так называемую эпидемию иррациональности: «Психологическая эпидемия, иными словами — оживление в массовом сознании нелогичных, иррациональных мифологических механизмов мышления». Кстати, для пропагандистски манипулятивного подхода к управлению обществом это вполне адекватная атмосфера, в силу чего В. Путин, судя по всему, не считает эпидемию иррациональности насущной проблемой, подлежащей лечению.

- Важной задачей социальной психотерапии М. Сандомирский называет массовое психологическое просвещение всеми доступными сегодня средствами, в том числе рекомендует «широко использовать помощь волонтерских групп и общественных организаций, таких очагов здорового и телесно, и психологически образа жизни», то есть фактически призывает к гражданской самодеятельности.

Как видим, две эскизно набросанные модели существенно отличаются друг от друга, и к первой концепт «психотерапия» вряд ли применим. Есть, однако, одно важное соответствие между ними, неочевидное на первый взгляд. Автор первой концепции столь выгодно фантазирует на темы политприспособленной психотерапии именно потому, что автор второй смиренно обходит молчанием это минное поле. Узость и слабость социальной и гражданской позиции психотерапии создают благоприятные условия для узурпации ее потенциальных сфер действия политиками-манипуляторами, озбоченными не социальным здоровьем, а лишь собственным комфортом и стабильным присутствием во власти. К чести М. Сандомирского, в своем сетевом блоге он дает весьма критическую и меткую оценку одной из предвыборных статей В. Путина, в которой обнаруживает и вскрывает конкретный лингвистический прием ухода от ответственности за происходящее в стране⁸. Только выглядит это лишь как личная позиция гражданина, а не как реализация важной профессиональной функции, присущей социальной психотерапии.

Проведенное сравнение выявляет не только необходимость расширения и углубления концепции социальной психотерапии, но и насущность развития социальной инженерии и ее тесного взаимодействия с общественной психотерапией.

Под социальной психотерапией я предлагаю понимать как методы, описанные в статье М. Сандомирского (массовое психотерапевтическое воздействие и психопродвижение), так и психосанитарную гражданскую деятельность по диагностике, оценке, информированию и экспертизе в отношении социальных дезадаптивных и психопатологических процессов и явлений.

В то же время целый ряд проблем, перечисленных и описанных М. Сандомирским, — «социальные эпидемии» сект, терроризма, иррациональности, атомизация общества, кризис семьи, нарушения общения людей, информационная перегруженность и др., — заведомо не решаются только психотерапевтическими методами, а требуют социотехнической деятельности, в которой обязательно должны участвовать психологи и психотерапевты.

Для описания социальной инженерии я воспользуюсь несколько перефразированным определением технической инженерии Совета американских инженеров по профессиональному развитию: «Творческое применение научных принципов для проектирования или разработки социальных объединений, способов поведения и мышления, социальных техник и технологий, социальных процессов, правовых механизмов или работа по использованию их отдельно либо в комбинации; конструирование или управление тем же самым с полным знанием их дизайна; предсказание их поведения при определенных социальных условиях. Социотехническое дело реализуется через применение как научных знаний, так и практического опыта (социотехнические навыки, умения) с целью создания (в первую очередь проектирования) полезных технологических и технических социальных процессов и объектов, которые реализуют эти процессы»⁹.

В качестве примера потенциальной социотехнической задачи я приведу интересную проблему, выявленную в ходе исследования в трех подмосковных школах несколько лет назад: «Во всех трех школах выявлен высокий уровень противоречивости в собственных взглядах большинства учителей и слабая осознанность ими и своих позиций, ценностей, отношений, и их противоречивости. При почти полном единодушии учителей в поддержке официально провозглашенных идей гуманизации образования, демократизации и т.п. в общем виде в их высказываниях и оценках очень много конкретных отклонений, несоответствий и несогласий с этой «генеральной линией». Более того — многие, судя по их ответам, даже не замечают такие противоречия, демонстрируют высокую уверенность в том или ином своем мнении при полной неготовности сформулировать содержательные аргументы в его пользу. Очевидно, что значительная часть учителей всех трех школ далеко не в полной мере продвинула работу по осознанию и пониманию принципиально важных гуманитарных аспектов жизни школы и своей собственной деятельности, а также не полностью приняли на себя ответственность за этот «рефлексивный труд», без которого

Е.Н. Волков

нельзя рассчитывать на полноценное образование в «человеческом измерении», а самих педагогов никак нельзя считать подлинными «субъектами». В то же время сам процесс исследования и некоторые его результаты свидетельствуют о наличии у большинства учителей искренней заинтересованности и желания понять, разобраться в собственной работе и сделать школу более гуманной, человеческой»¹⁰.

Нисколько не сомневаюсь в том, что при подстановке в эту цитату слов «психологи и психотерапевты» (или «чиновники», «политики», «журналисты») вместо слова «учителя» не возникнет никакого противоречия с реальными фактами. Разрыв между употреблением хороших слов и действительным качеством поведения и умений — существенная проблема для всех перечисленных профессий, при этом ее нельзя сводить лишь к лицемерию. В большинстве случаев, как метко заметил К. Поппер, люди действительно хотят хорошего, но не умеют его правильно делать.

Изобретение методов, техник, средств, организационных форм, правил и законов, которые бы позволили существенно сократить этот разрыв между желаниями и умениями, между номинальным знанием идей и их подлинным пониманием и применением хотя бы только в образовании или психотерапии — вот прекрасный проект для социальной инженерии. И такая социальная инженерия намного продуктивнее, чем терапевтичнее, чем любая форма индивидуальной и социальной психотерапии. Пусть будет гражданская по организации и содержанию и неманипулятивная по методам социальная психотерапия, но без внедрения и развития постепенной и демократической социальной инженерии. И психическое, и физическое здоровье общества обречены на постоянные и все возрастающие потери.

Вот это и будет социотехнология в самом полезном и эффективном варианте: изобретать новые направления жизни, обучения и деятельности — обучение, например, сопротивлению авторитетам, разоблачению манипуляций, подтасовок и передергиваний, инициирование внесударственной социальной самоорганизации. Такие изобретения и их внедрение — это и есть социотехнология. Не надо ждать появления артикулированной общественной потребности в таких вещах. Как и в производстве современных электронных гаджетов, надо создавать будущее, делать его осязаемым и доступным и «подсаживать» на него все больше и больше людей.

Если психотерапевты, психологи-консультанты, социологи и социальные психологи займутся таким социотехническим и обучением социальным инновациям — честь им будет и хвала.

⁶ Путин В.В. Россия: национальный вопрос. — Документ Интернета: <http://putin2012.ru/#article-2>.

⁷ <http://evolkov.net/practicpsychol/help/help.&rescue.html>

⁸ <http://re3.livejournal.com/711681.html>

⁹ Оригинальное определение см. здесь — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Инженерия>

¹⁰ Братченко С.Л.: Парадоксы реформы образования и гуманитарная экспертиза образования. — Документ Интернета: <http://alteredu.ru/2008/03/bratchenko-cl-paradoxy-reformy-obrazovaniya-i-gumanitarnaya-ekspertiza-obrazovaniya/>